

Два детства

О НИ ШЛИ по улице, предмет здесь — это живое свидетельство безвозвратно ушедшей соды старины: громадная деревянная чашка, из которой ели сразу 14 человек, тусклые иконы в углу, полки с глиняной посудой, свечек с обгоревшей лучиной, игольник, наминающий каравый хлеб.

Юные художники из классной стеногазеты «Пионер» Сама Петров и Юра Чернов спешат запечатлеть в своем блоке этих немых свидетелей горьковского детства: может, пригодится для очередного номера.

Только не подумайте, пожалуйста, что наши экскурсанты — какие-то образцово-показательные пай-мальчики и девочки. Нисколько. Надя Рокина и Сама Воронанов, Вадим Пласкин и Коля Сынов, Оля Припорова и Марина Волкова — все они и их товарищи — это самые обычные школьники, которые умеют веселиться и шалить и не любят, когда на дом задают много уроков.

...Неуютная, темная кухня с большой русской печью. Низко нависают над головой полки, и самый высокий из учеников — Сама Петров, становясь под ними, невольно притягивает голову.

Затаив дыхание, слушают ребята рассказ экскурсовода Н. С. Кузнецовой. Каждая вещь, каждый

предмет здесь — это живое свидетельство безвозвратно ушедшей соды старины: громадная деревянная чашка, из которой ели сразу 14 человек, тусклые иконы в углу, полки с глиняной посудой, свечек с обгоревшей лучиной, игольник, наминающий каравый хлеб.

Юные художники из классной стеногазеты «Пионер» Сама Петров и Юра Чернов спешат запечатлеть в своем блоке этих немых свидетелей горьковского детства: может, пригодится для очередного номера.

Только не подумайте, пожалуйста, что наши экскурсанты — какие-то образцово-показательные пай-мальчики и девочки. Нисколько. Надя Рокина и Сама Воронанов, Вадим Пласкин и Коля Сынов, Оля Припорова и Марина Волкова — все они и их товарищи — это самые обычные школьники, которые умеют веселиться и шалить и не любят, когда на дом задают много уроков.

Этот рисунок может пригодиться для очередного номера стеногазеты.

ри в одну штучку вручая. Современные школьники видят преобразованную трудом человека большую Волгу с мощными дизель-электродвигателями, они интересуются межконтинентальной баллистической ракетой... И в душе каждого из них пробуждается законное чувство гордости за советского человека — творца нового, чей разум, чья безграничные творческие возможности воспевают писатели.

А обращение взрослых с детьми в этом доме — разное. Встретившись с ними, вы увидите и даже недоумение вызывает оном у наших школьников? Вот скажем, на которой стороне, как по расписанию, дел порою ребяташек. Побой в те жестокие времена считались луч-

шим средством воспитания. Из кухни ребята проходят в светлую, в четыре окна комнату дед. Все здесь напоминает Василия Каширина, но, пожалуй, лучше характеризует его особая, с секретным замком уклад-

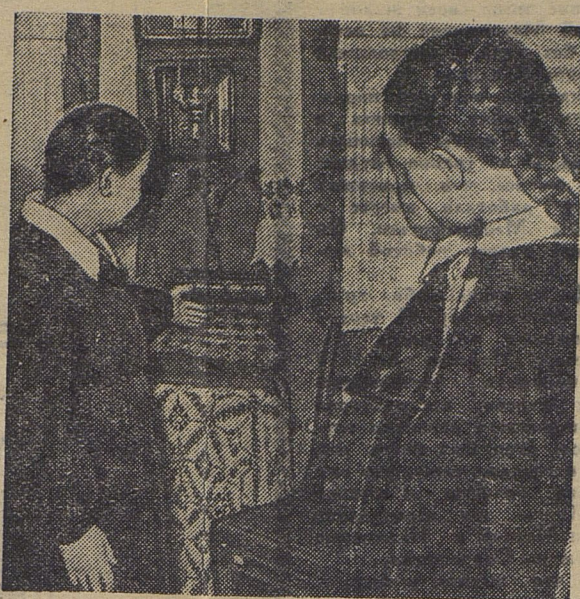
ка. В этой укладке, — рассказывает Полина Семеновна, — дед хранил деньги. А то, что она находилась в этом углу, под иконами — не случайно. Самому богу доверялась стеречь богатство! Но больше всего дед все-таки боялся себя и часто клал укладку в изголовье постели — видите, у нее вот тут специальный замок для головы.

Деньги... Они для дед были «хороже детей кровных». Из-за них в доме то и дело вспыхивал жаркий огонь вражды между дядями Михаилом и Яковом, из-за них возникали ярые перебранки с дедом, и по всему дому раздавался истинный вопль Каширина-старшего: «Эх, вы-и!»

С оуровыми, сосредоточенными лицами слушают дети о том, как однажды зимой отца Алексея Пешкова, Максима Савватиевича, братья Каширины сознательно столкнули в прорубь. Максиму Пешкову был чужд весь уклад в жизни дома Кашириных, и поэтому невольные его дяди решили расправиться с ним так жестоко.

Из этого страшного мира молодой Горький страстно рвался к новой жизни, путь к которой освещало знание.

Довелось Горькому учиться лишь в трехклассном Канавинском учили-

...В этой укладке дед хранил деньги.

ше, — продолжала свой рассказ Полина Семеновна. — Учился он хорошо, а при переходе в третий класс получил похвальный лист. Но окончить училище ему не удалось, скоро умерла мать Варвара Васильевна, и пришлось Алексею идти «в люди». Было ему тогда 11 лет, как вам сейчас.

Да, лет ему было столько же, но учиться пришлось совсем в других условиях, и школой Горького была сама жизнь с ее «свинцовыми мерзостями». Великую гордость писателя в годы советской власти вызвал бурный рост культуры нашей страны. Ведь три четверти ее населения до революции оставались неграмотными. В Нижнем к моменту рождения писателя было всего четыре приходских училища, а училось в них 378 человек. Это же поистине ничтожные цифры!

А теперь даже недруги наши вынуждены признать, что в области народного образования СССР вышел на первое место в мире.

Экскурсия окончена. Школьники листают книгу отзывов. В ней недавние записи пятиклассников других школ, также приехавших сюда на экскурсию, рядом — отзыв инженера из Свердловска, а на другой странице — непонятные иероглифы далеких корейских друзей...

— Нам тоже надо что-нибудь записать, — неуверенно предлагает кто-то. — Дед, пиши, — говорит подруга председателя совета отряда Лена Вилковой. Но разве легко найти те слова, которые могут выразить все богатство полученных здесь впечатлений. Отзыв рождается коллективно...

Простыми, пусть какими-нибудь, но идущими от чистого сердца словами школьники благодарят свою Отчизну, которая дала миру такого замечательного художника, а их детство сумело сделать счастливым.

Юрий ХОДЖАЕВ,
Владимир ЗЕМСКОВ.

СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ...

6. На заре нового века

Новый, двадцатый век, А. М. Горький встречал в кругу своих нижегородских друзей.

«Новый век, — сообщает он К. П. Патниному, — я встретил преспокойно, в большой компании живых, здоровых, бодро настроенных людей. Они были верны за то, что новый век — вонкнут будет веком духовного обновления».

Не под впечатлением встречи написана появившаяся в январе 1901 года «Песня о Буревестнике», несомненно, отразившая в себе настроения и чаяния тех передовых рабочих и интеллигентов, с которыми тесно общался писатель.

В это время Алексей Максимович занимает большую квартиру в деревянном двухэтажном доме на тихой Канатной улице (дом 11 по ул. Короленко). Рядом —

хорошо памятный Горькому дом (№ 11-а). Это сюда 12 лет назад он, нигде еще не печатавшийся, начинающий автор, принес рукопись поэмы своей «Песнь старого дуба» и отдал ее на суд жившему в этом доме В. Г. Короленко. Незабываемая и во многом определявшая литературную судьбу Горького встреча! «Вы, — писал он позднее Короленко, — были моим учителем и много сделали хорошего для меня, этого я не забыл и не забуду».

Многие из этого хорошего было сделано именно здесь, по соседству с новой квартирой писателя, у которого бывали А. П. Чехов и Н. Г. Гаршин-Михайлович, Л. Н. Андреев и С. Г. Петров-Скиталец, Ф. И. Шаляпин и В. И. Немирович-Данченко. В доме № 11 была написана Горьким его первая повесть «Мещане», положившая начало прочному творческому содружеству писателя с Московским Художественным театром.

Здесь же Алексея Максимовича в третий раз «навестили» жандармы. Знакомый ночной стук в дверь. Обыск. Арест.

Произошло это 17 апреля 1901 года. Вновь тяжела, с глазком посередине калитка Нижегородского острога хлопнула за его спиной.

Сквозь тюремную решетку виден уголок того пестрого, на котором в 1900 году по инициативе Горького был заложен Народный Дом (ныне театр оперы и балета). Недалеко от Народного Дома, открытого лишь в 1903 году, находилась последняя нижегородская квартира писателя. Вот он, дом № 19 по улице Семашко (бывшая Мартыновская)... Более двух лет семья Пешковых жила во втором этаже этого дома, ставшего благодаря этому хорошо известным каждому нижегородцу. Едва ли в городе была другая квартира, которая посещалась так, как эта, и где перебивало бы столько самых различных людей.

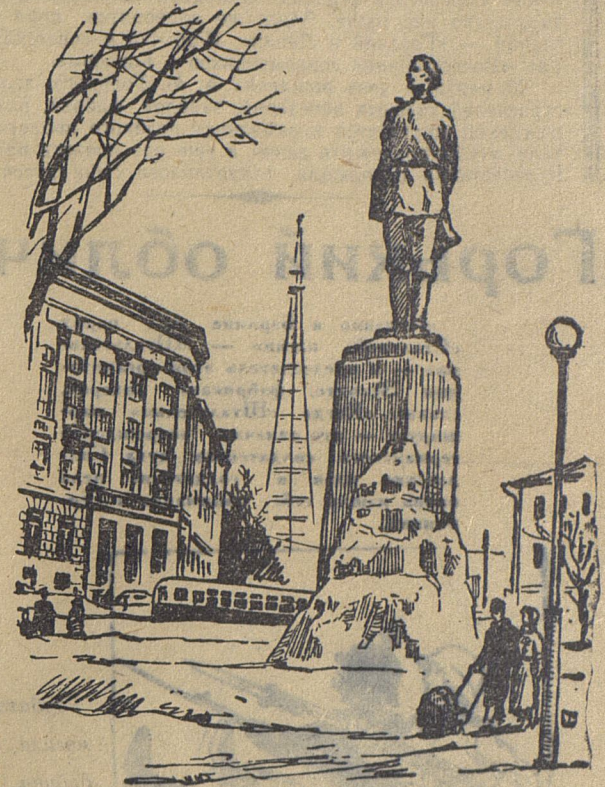
«К нам приходили, приезжали, жили днями, а иной раз месяцами, — вспоминает Е. П. Пешкова, — писатели, общественные деятели, артисты, студенты, партийные работники, рабочие... В нашей квартире происходили самые разнообразные совещания». Россия стояла накануне

не больших событий. Их приближение ощущалось во всем и повсюду. В декабре 1904 года Алексей Максимович прощался с Нижним. Он уезжал туда, где рождалась и откуда доносились первые удары внешнего революционного грома — в Петербург.

А через полстолетия он снова — и теперь навеки — вернулся в родной город. Воплощенный в металл, утвердившись на высоком гранитном пьедестале, вознес он над одной из центральных городских площадей. Теперь это пло-

щадь Горького. И какая-то большая, символическая правда есть в том, что памятник великому писателю воздвигнут именно здесь, неподалеку от того самого места, где когда-то был Дюков пруд и где ослепленные тупой злобой мещане, пытались загубить отца писателя Максима Савватиевича. Загубить только за то, пожалуй, что был он лучше, честнее, человечнее их. Но законы жизни таковы, что свет сильнее тьмы, а любовь — смерти. В это твердо верил и это неустанно проповедовал в своем творчестве Максим Горький.

С. ФИХ.

Площадь имени М. Горького.

Рис. А. ЕВСТИФЕЕВА.

Голос

Много раз снимали кинооператоры великого пролетарского писателя А. М. Горького. В большинстве случаев это были немые съемки. Но с возникновением звукового кино в 1931 году была сделана попытка записать голос писателя.

Пограничная станция Негорелое. Горький после лечения возвращается в Советский Союз. Поезд стоит на платформе толпы встречающих. Неприятный звукооператор просит Горького сказать несколько слов для звукового кино.

— Что вы, — отшучивался Алексей Максимович. — звуковое кино — дело новое, а я говорю старым басом.

И все-таки запись была сделана. Оператор Небылицкий вспоминает.

«Я снимал на станции Негорелое проезд Алексея Максимовича из-за границы. Его встречали писатели Серафимович и Матв. Залка. Я был очень обрадован, когда мне удалось очень удачно заснять прекрасный плац: Горький, только что выйдя из вагона, долго и горячо делится с Серафимовичем. Оба старика до слез растроганы встречей».

Как всегда, Алексей Максимович был трогательно ласков с нами, операторами, но, как всегда, он упорно не хотел сниматься. Нам же необходимо было заснять его, синхронно записать на пленку его речь. Горький долго отнекивался и даже скрывался в глубине вагона.

пограничники и дети стали звать Алексея Максимовича. Он немедленно появился у окна.

— Я ведь не оратор... — отмахивался он от нас. — Уж если вам обязательно надо меня заснять, так снимайте вместе с товарищами пограничниками».

Съемку начали в разгар беседы. Вот что удалось записать операторам.

Горький: — Это вот вам, товарищи, смею, у нас этого нет, а как-то, понимаешь, так жить. Безработица. В маленьком городке Соренто, вот где я живу, там население то пустое, какие-нибудь пятнадцать тысяч, даже нет этого. С иностранцами там наберется тысяч сорок. На площади кормят безработных из какой-то кухни. Понимаете, какая пещь, даже в таком городке. Ну и время, конечно, безработице и пещу безработных много. А по углам ходят, понимаешь, целые роты этих учеников семинарий, молодых семинаристов, в длинных черных одеяниях, красных чулках или в дилловых чулках, в зависимости от учебного заведения. И это буквально вы встречаете на каждой улице, целые десятки. Ходят, ходят, ходят...

Вот как-то не чувствуется того, что здесь: этой молодости, этой уверенности в том, что люди делают

писателя

большое дело, что живут они для каких-то великих задач. Это не совсем ясно некоторым, насколько велики эти задачи, но тем не менее, существует какой-то пафос работы, энтузиазм. Это чувствуется по письмам, которые я получаю массами! Каждый день! Пишут ударики, пишут люди из тайги, которые где-то там шестеро золотом роют, черт его знает, в каких условиях, понимаете.

Красноармейцы: — Технику сейчас осваиваем, Алексей Максимович!

Горький: — Вот это здорово, это замечательно!

Красноармейцы: — И трехлинейную нашу технику учим хорошо, и танки, самолеты. Так что и в этом деле не уступим, Алексей Максимович. Так что духу хватит. Ну, кроме этого, как вы рассказали нам еще. Район коллективизируем. В боевой подготовке у нас тоже все ударики, так

же, как и на заводе. Везде ударики: застава ударная, отряд наш ударный. Вот скоро годовщину будем праздновать ударного отряда.

Горький: — Газеты тут у вас лет своей?

Красноармейцы: — Не захватил с собой.

Горький: — Но есть?

Красноармейцы: — Есть, есть! На стеклоглазе падалишам, многотражну.

Горький: — Вы мне прищанте.

Красноармейцы: — Куда вам прищанте, я адрес запишу.

Горький: — Москва...

Красноармейцы: — «Москва — Горькому». Найдут (смех).

Горький (смеясь): — Адрес короткий будет. (Смех).

Так удалось записать для потомства голос писателя. Кроме этого, имеется запись его выступления на первом съезде советских писателей.

Юрий ХОДЖАЕВ,
Владимир ЗЕМСКОВ.

...Отзыв рождается коллективно.

„Кто будет читать мои книги?“

Советская, 16
Скромное, внешне ничем не примечательное здание. Но как только открываются его двери, сюда идут, смешат люди. Разный по характеру, по возрасту, по положению, их объединяет одна замечательная черта нашего советского человека — жажда знаний, тяга к новому, стремление постоянно расти...

Девушка скромно протянула библиотекарю прочитанную книгу.

— Мне бы опять о Ленине, пожалуйста, — попросила она. Клара Зельдина решила прочесть не произведение, рассказывающее о великом вожде народа.

Непрерывным потоком стала книга в жизни слесаря канинового завода Александра Николаевича Гуреева. Смотрящего формуляр и радуясь, насколько широк круг интересов рядового рабочего. Много нового, удивительного открывают книги перед юношей, вступающего в жизнь, шаг за шагом наступательного на правильный путь. Все был любознательным мальчишкой Володочкой, и вот он уже десятиклассник — выпускник Владимир Дедиков. Попытка попасть в институт окончилась безуспешно. Но книги учили

не падать духом, для чего же читал он, как воспитывать волю! Пошел на завод Володя, стал электромонтажником. Почерпнул руки, орудия. Но по-прежнему серьезно они перебирают странички любимых книг по технике, математике, физике. Это — будущее юноши, его заветная мечта.

Пенсионер Иван Дмитриевич Голубев, домохозяйка коммунистка Евгения Никифорова Ермакова находят в книге не просто утешу, но умного друга и советника...

9500 читателей насчитывает только одна Канавинская районная библиотека нашего города. Скупые цифры статистических отчетов за многие годы рассказывают, насколько выросли, расширились духовные запросы нашего народа. 32.482 экземпляра политической литературы, около 14 тысяч технической, 111.714 книг художественной было выдано читателям за один прошедший год. И это в той самой библиотеке, где до революции в 1900 году насчитывалось всего 489 книг и почти столько же читателей. Бедный по количеству, ску-

В эти дни

Молодежи Горького, как и все советские люди, отмечает 90-летие со дня рождения нашего знаменитого земляка. В библиотеках, клубах, на промышленных предприятиях, школах города проходят беседы и лекции о жизни и творчестве великого пролетарского писателя. Как никогда, в эти дни возрос спрос на книги писателя. Работники районной библиотеки оформили выставку произведений А. М. Горького, стенд: «Алексей Максимович Горький о кулеческом Нижнем Новгороде и социалистическом городе Горьком». В библиотеке и в педагогическом училище будут проведены литературные вечера, посвященные 90-летию со дня рождения писателя.

А. ЕЛЕТИН.

ный по тематике, даже этот фонд был мало доступен простому человеку — зачастую безграмотному, задавленному нуждой, забота. Не случайно, лучших писателей, посвятивших свой талант народу, глубоко волновал, вызывал на размышления вопрос: кто будет читать мои книги?

— Для кого — литература? — пишет Алексей Максимович Горький в 1900 году Л. В. Средину. Он рассказал в письме о елке, устроенной им для ребятшек бедноты: «Вы только вообразите, что из пятисот вчерашних мальцов, быть может, всего один будет читать. Да, не больше. Ибо остальные издохнут преждевременно от кори, тифа, скарлатины, дифтерии... — от голода, холода, грязи, те же, что будут жить, — будут пьяными и ворами, по примеру родителей своих, или — вьючные животные, по тому же примеру. Понимать это — неприятно, горько, тоскливо».

Но грянула буря, и социалистическая революция смела старые порядки. Среди всех достоинств, которые получил народ, была и литература. Она прочно вошла в жизнь людей, стала их необходимой духовной пищей. Да и сам читатель, его судьба стали совершенно иными в новой родившейся стране. То, чего не достигли, не могли достичь отцы и деды, молодое поколение получило свободно, открыто.

В глухой деревне родилась Лида Безрукова. В семье ее сохранились еще старые суровые обычаи.

— Никаких книг, никаких учений. Будешь вязать кружева, — говорила мать.

Но маленькая, конопатая девочка нашла в себе силы повзреть с домом, она верила, что страна поможет ей. В городе устроилась работать почтальоном, а молодая душа рвалась к учебе, к знаниям. Тогда впервые робко переступила Лида пороги Канавинской библиотеки, и тут вместе с книгами нашла теплый заботливый коллектив. По совету старших перешла на завод, по вечерам училась в школе. Почтом техникуму — диплом молодого специалиста, самостоятельная жизнь.

Чужим маленьким знали в библиотеке Колю Мухамеджанова. Мальчишку татарину плохо давался русский, но ему помогли, его учили. А теперь молодой офицер, получивший специальное образование, сам учит других.

И среди тех, кто был невидимым наставником молодого поколения, его мудрым советчиком, заслуженное место принадлежит Горькому. Его книги воспитывали у Лиды Безруковой твердость характера, волю; пробуждали тягу к знаниям у мальчишки заводу имени Воробьева, пожалуй, не любимое Горького. Берет он новое произведение, новый роман, и опять Горький, Горький. Вместе с лучшими героями его произведений молодой рабочий идет по жизни, учится у них любить ее так, как они любили...

Чем больше перелистываешь странички формуляров незнакомых людей, читатель библиотеки, тем отчетливее становится мысль, что любит наш советский человек книгу, она окрыляет его ум и сердце, как об этом хорошо сказал Горький.